

ФИЛОСОФСКО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЧТЕНИЯ

Речь пойдет о сочинениях трех разных авторов, которые представляют весьма различные философские позиции с соответствующими политическими выводами. Первого из них зовут Эммануил Левинас; он родился в еврейской семье в Литве и учился в Германии и во Франции. Второго – Жак Деррида; он тоже родился в еврейской семье, но не в Литве, а в Алжире, и учился во Франции и в США. Третьего зовут Джорджо Гуццони. Он родился в Милане и учился в Риме и во Фрейбурге (Германия), где он был учеником Мартина Хайдеггера и Евгения Финка. У последнего он получил ученую степень в Германии, а у Энцо Пачи – в Италии и стал доцентом университета Альберта-Людвига во Фрейбурге.

Э. Левинас считает философию Хайдеггера основой тоталитаризма и тирании, так как она сводит всех Других к одному и тому же и путем такого уподобления некоторым образом их устраняет. Он оспаривает, прежде всего, утверждаемую Хайдеггером первичность Бытия по отношению ко всему Сущему и всем его импликациям. Он открывает встречный огонь по онтологии Хайдеггера, ставя на первый план отношение к Другому, а не мнимое изначальное отношение к другому. Утверждаемая таким образом философская первичность Сущего, примат этики перед онтологией, якобы знаменует собой освобождение Сущего. До сих пор можно в предварительном порядке признать, что Левинас в какой-то мере прав. Но он сразу ставит следующий вопрос: является ли такая инверсия достаточным условием нашей свободы? Иными словами, защищает ли первичность Сущего по отношению к Бытию, в том особом смысле, какой придает этому Левинас, любое человеческое существо от любой формы рабства? Устраняет ли примат этики, по Левинасу, недостатки и опасности, которые заключает в себя примат Бытия по Хайдеггеру? Э. Левинас наделяет то огромное расстояние, которое отделяет Одного от Другого и мешает свести Одного к Другому, еще двумя качествами. Это расстояние для обеспечения несводимости должно быть не только горизонтальным, оно отличается также грандиозными различиями, вследствие чего возникают отношения между высшим и низшим, асимметрия отношений между личностями, делающая их неравноценными. Трансценденция, которая перекрывает расстояние между ними, не устраняя радикальное инобытие Другого, делится на восходящую и нисходящую линии. К различию по расстоянию и по высоте добавляется еще различие по достоинству. Как высоте неизбежно соответствует низость, так и достоинство столь же неизбежно соответствует недостойности. Различия и множественность по высоте и низости, достоинству и недостойности вместо тоталитарного единства и универсального

смещения – таков человеческий мир Левинаса. Эта концепция соответствует реальности, которой представляется нереалистичным любое тоталитарное мышление, будь то Греко-еврейская метафизика, иудео-христианская монотеология, гегелевская пантеология или онтология Хайдеггера. Мироззрение Левинаса основано на таком взгляде на вещи, какой мы находим уже у Розенцвейга. Отношения между людьми у Левинаса это не сосуществование, а противостояние, которое при особых условиях может перейти в конфронтацию и войну. Эта концепция противоположна концепции Со-Бытия Хайдеггера, совместного существования, приводящего к сближению. Противопоставление Левинаса исключает параллельность сознания, которая отличает братские, дружеские отношения. Отношения между людьми строятся не на основе равенства между всеми участниками сообщества, а исходя из их неравенства. Так как высота и достоинство всегда являются качествами Другого, а не моими, концепция Левинаса противоположна языческой традиции, в которой Я занимает центральное место, а другой рассматривается только в соотношении с собственным Я, у Левинаса же Другой всегда больше меня, не благодаря своей физиогномии, характеру, физиологии, физическим и интеллектуальным чертам, а только благодаря своей высшей Инаковости. Высота и достоинство Другого – не объективные данные, которые можно доказать, они дарованы ему просто потому, что он Другой. Облик Другого – исходная точка моего унижения перед этим Другим, как перед высшим существом. Этот облик, который рисует Левинас, находится по ту сторону видимой реальности, т.е. у него нет глаз, носа, лба, форм, цвета кожи, нет реальных качеств, эмпирического облика, исключаются какие-либо физические и культурные, расовые и политические различия. Совершенство этого бесплотного Облика требует беспрекословного повиновения, исключает всякое сопротивление. Облик Другого, как утверждает Левинас, это единственная связь с Бесконечностью. Другой господствует надо мной благодаря своей высоте и своему достоинству. Он не из тех, кому можно сопротивляться, от кого можно освободиться. Он всегда остается высшим благодаря своей недостижимой Инаковости. Он хозяин, а я слуга, и никакой гегелевской диалектики, которая различала независимое сознание (суть в бытии для себя) и зависимое сознание (суть в бытии для Другого). Другой – господин, а я – раб и не должен испытывать к нему никакой враждебности. Он благородный, а я в своем ничтожестве не должен помышлять об освобождении. Отношения между рабом и господином, по Левинасу, необратимы, так как они не могут поменяться местами. Никакая инверсия здесь невозможна. Другой останется господином, а я останусь рабом. Другой, в своей радикальной Инаковости, отдает приказ уж одним своим появлением. Он имеет, еще не взяв, и уже распорядился, еще не приказав. Левинас требует безоговорочного повиновения любым приказам Другого. Ни малейших размышлений: человек должен вести себя по отношению к Другому словно его заложник. На любое исходящее от него слово надо реагировать, пусть даже приказ еще четко не сформулирован. Никаких размышлений, ника-

кой нерешительности, никакой задержки с исполнением приказов Другого. Из этой предпосылки следует исходить еще до его появления. Безоговорочное подчинение ему соответствует «отказу от своего Я», «изгнанию себя из самого себя» без возврата к самому себе, без реинтеграции своего Я, потому что подчинение Другому должно быть абсолютным.

Философия Левинаса это философия самоунижения. Его проповедь самообвинения вызывает у каждого здравомыслящего человека неприятное чувство и внутренний протест. Этика Левинаса это не оптика, как он утверждает, а скорее патология по причине ее ненормальности, хотя он отрицает патологический характер своих высказываний, чувств и самообвинений. Кант, наоборот, требовал от каждого самоуважения, потому что, говорил он, без уважения к самому себе невозможно уважение к другим. Он не призывал раболепствовать перед другими и по-собачьи им повиноваться: такое поведение было бы недостойно человека. Тот, кто ведет себя, как червяк, говорил он, пусть не жалуется потом, что его попирают ногами. Не является ли эта философия самоунижения и полного подчинения Другому выражением омерзительного замысла? Не яд ли это, который должен отторгнуть нас от нас самих, сделать неспособными к духовному сопротивлению под воздействием опустошающего, обезоруживающего соблазна? Однако, его требование радикального самоотрицания при одном лишь явлении чужого Облика, похоже, действительно не для всех. Его восторг от того, что он еврей, далек от самоунижения. Гордость своим еврейским происхождением, сознание своей принадлежности к высшей расе доводят его до безумия. На вершине экзальтации он восклицает: «Как хорошо быть евреем!». Призыв унижаться перед другим его лично уже не касается. С какой стати он должен делать это, если другие – не евреи, а значит – не люди? Левинас говорит, что каждый человек может быть человеком лишь благодаря содержащейся в нем частичке еврейства. «Еврейское в каждом человеке это и есть подлинно человеческое». Это утверждение означает, если его правильно понимать, что только еврей – человек, а все прочие даже не «унтерменши», а просто не люди, а какие-то животные, возможно, свиньи, а унижаться перед свиньями, само собой разумеется, немислимо. Поскольку Левинас требует четкого разделения между евреями и неевреями по причине якобы священной природы первых, он и не может призывать их унижаться перед вторыми и подчиняться им. Мир, в котором раса господ вела бы себя как раса рабов перед неполноценными нелюдями, был бы извращенным миром. Философия самоунижения Левинаса предназначена только для неевреев. Они одни должны испытывать чувство вины при одном виде Высшего, при каждом его слове и взгляде. Сегодня очень выборочно навязывается долг памяти к вящей выгоде евреев, когда речь заходит о неких очень спорных событиях прошлого. Людей Запада пытаются совершенно подавить психически и убедить их, будто они виноваты во всем. Э. Левинас еще радикальней, так как он разрабатывает философию, которая делает из неевреев

зомби, не прибегая к долгим рассуждениям. Люди Запада должны испытывать глубокое чувство вины, постоянно чувствовать себя виноватыми, приписывать себе вину, которая лежит не на них, и потом добровольно полностью подчиниться Другим. Философия самоунижения Левинаса имеет вторую, параллельную функцию: она предназначена также для того, чтобы психологически подготовить людей Запада к тому, чтобы незамедлительно дать зеленый свет смертельному наплыву иммигрантов из Второго и Третьего мира и облегчить им захват наших территорий без сопротивления. Под угрозой наша свобода. Мы должны отдать нашу землю иммигрантам и обрезать тысячелетние корни, связывающие нас с этой землей. С точки зрения иудаизма, на которой стоит Левинас, эта земля не наша, как божье добро, она не принадлежит никому, даже если кто-то ее захватил. Когда же мы пускаем чужаков на нашу землю и в наши города, мы устанавливаем мессианский порядок. «Народ, который принимает тех, кто поселился на его земле, сколь бы чужды они ему ни были со своими обычаями и костюмами, словами и запахами, если он дает им ахсанию, убежище, позволяет жить и дышать, поет гимн во славу бога Израиля». С этим чужим богом мы, разумеется, ничего общего не имеем. Ясно одно: философия самоунижения Левинаса это антизападная философия, которая духовно и морально готовит гибель Запада. Речь идет, в первую очередь, об оглуплении людей Запада, разрушении их самобытности, подмене любви к себе любовью к другим. Левинас, как и другие еврейские мыслители, наследник Савла из Тарса: та же хитрость, те же сладкие слова, то же лжеучение ради достижения той же цели.

С той же целью, но гораздо менее искусно, чем его собрат по расе Левинас, занялся философской деятельностью Жак Деррида. Он без обиняков раскрывает, на что направлена его борьба: «Самый последний еврей, каковым я являюсь, не занимается здесь ничем иным, кроме как разрушением мира». При чтении собрания его сочинений понимаешь, что мир, о котором он говорит, это западный мир. Его враждебность к Западу, может быть, частично оправдана, потому что он имел неприятный опыт с французскими властями, еще когда учился в школе в Северной Африке. В те времена лучшим ученикам класса предоставлялась по утрам честь поднимать национальный флаг. Жак Деррида, как местный еврей, не мог участвовать в этой ежедневной почетной церемонии. Позже он был исключен из гимназии Бен Акнун, потому что, по мнению ее директора, французская культура не предназначалась для маленького еврея. Жак Деррида вынужден был не по своей воле менять гражданство: его родители из прирожденных евреев стали по документам французами; он сам во время войны утратил французское гражданство по решению французских властей: как и все алжирские евреи, и снова стал местным евреем. После войны он долгие месяцы ждал отмены расовых законов, чтобы снова получить французское гражданство. В гимназии ученики теоретически имели право изучать не французский, а другой язык, но никто не отважился нарушить негласный запрет, наложенный на

все местные языки. Все, арабы, берберы и евреи, постепенно отчуждались от своего языка, от своей культуры. Если первые еще сохраняли свой родной язык как убежище, то у евреев не было больше своего языка. Они говорили только на языке других, людей с другого берега Средиземного моря, т.е. на языке французских колонизаторов. Язык, который ему приходилось изучать, был языком насилия завоевателей и унижения покоренных. Это был чужой язык, который навязывали арабам, берберам и евреям. Деррида утверждает, что французский язык никогда не был языком его души. Он навсегда остался для него наложенным снаружи, как лак. Не стал он и языком его будущего. Антипатия этого философа к любому однородному языку, к целостности языка народа, к его философскому языку, с помощью которого он осуществляет господство над определенным культурным ареалом, объясняется, может быть, пережитыми им унижениями. Чтобы избавиться от этого господства, надо разбить его целостность, разрушить его власть. Надо взорвать национальное одноязычие и установить многоязычие. Из единого языка надо сделать лингвистическую мешанину, смешать все языки, навалить один на другой, скрещивать язык с другими без пределов, пока он не станет неузнаваемым. Тогда от единства языка останется одна видимость, от четкой структуры – догма. Язык окончательно утратит свою силу. Деррида испытывает к народным сообществам глубокую антипатию, не меньше, чем к единым языкам. Это чувство распространяется даже на израильский народ. Его злобный антинационализм однажды толкнул его даже на провокацию против израильских гостей. На международной конференции в июне 1988 года в Иерусалиме он позволил себе дерзкие высказывания о взглядах двух еврейских философов, германофилов и антисионистов, Германа Когена и Франца Розенцвейга. Первый из них был против создания государства Израиль, а второй утверждал, что Германия – настоящая родина каждого еврея в мире, «родина его души». Не Израиль родина евреев, а Германия. Своей косвенно израилофобской и германофильской речью Деррида показал, что не разделяет законное для еврея чувство «Ахават Израиль». Отвергая сионистский лозунг «Один народ, одна страна», Деррида пришел к тому, что порвал с чувством принадлежности к своему естественному сообществу. Он испытывает такую же антипатию ко всем народным сообществам. Он не любит само это слово и еще меньше – то, что оно обозначает. Это ощущение представителя диаспоры, который нигде не чувствует себя дома, но претендует на то, что может устроиться везде. Соппротивление борцов за самобытность вторжению инородцев в страну для него совершенно неприемлемо. Он расценивает его как национализм и ксенофобию, хотя это всего лишь нормальная и здоровая иммунная реакция против того, что угрожает единству, целостности и существованию естественного сообщества. Особенно враждебно относится Деррида к белым сообществам северо-европейского происхождения. Они защищаются от враждебного давления чужаков и за это, конечно, становятся мишенью его обвинений и осуждений. Он страдает патологической любовью к инородцам. Как враг всех коренных наро-

дов, Деррида испытывает антипатию к миру семей, наций, рас, потому что их естественное единство – мощное препятствие на пути внедрения паразитов и любой культурной или идеологической агрессии. Прибыв с африканского побережья Средиземного моря, он считает себя «европейским сверх-окультуренным и сверх-колонизированным гибридом», т.е. ощущает внутреннюю раздвоенность. Он дисгармоничен, распадается на элементы и поэтому чувствует себя в Европе чужаком. Он хочет, чтобы Европа была похожа на него, чтобы она стала таким же продуктом беспорядочных скрещиваний. Она должна стать открытой и принимать всех и отовсюду без исключений. Она должна быть готовой принять сотни тысяч и сотни миллионов людей всех цветов кожи, смириться с этим наплывом экзотики, со своим культурным, физическим и генетическим уничтожением. Эта заповедь продолжает самоубийственную, преступную линию космополитизма. Естественные сообщества необходимо распустить, а любое сопротивление этому расценивать как преступление перед будущим вселенским Законом. Европа наций должна исчезнуть и уступить место новой Европе, которая не должна быть и не будет генетической реальностью, а культурным, поверхностным, бесплотным образованием, сведенным к фантазмагорической и фантастической «Декларации прав человека» с ее ложью и нелепостями.

Космополитизм Жака Деррида смыкается с современным глобализмом. Первый представляет собой философскую форму антинациональной безграничности, второй – ее экономическую форму. Оба действуют в одном и том же направлении. Если первый направляет свою разрушительную энергию на сферу мышления, то второй – на рынки. Они поддерживают друг друга, разлагая человеческие сообщества. Это отнюдь не новое явление: и в античном мире философы и торгаши вместе объявляли себя гражданами мира, а не определенного полиса. Диоген из Синопа, Бион из Ольвии, Менипп из Гадары, Стилпон из Мегары, киник Кратес, Зенон из Китиона, Клеанф из Ассоса, Хризипп из Сол или из Тарса, Аполлodor из Селевкии, Диоген Вавилонский, Панаитий с Родоса и Панаитий из Апамеи, пришельцы из городов Восточного Средиземноморья, высмеивали афинские традиции и учреждения, издевались над афинским правосудием, чернили афинскую цивилизацию. Все эти киники и стоики были метеками, никто из них не был прирожденным афинянином. Многие из них были родом из азиатской части Греции. Подобно финикийцу Зенону, который посвятил себя философии после того, как торговал разными товарами, они, прежде чем приступить к торговле словами (их слушатели должны были платить за право их слушать), продавали разные вещи. Этим частично объясняется их космополитические концепции: свободный рынок, не признающий границ греческих полисов представлялся выгодным для товарообмена и прибыльным для торгашеских племен. Тот факт, что эти иностранцы отличались по своему происхождению от коренных афинян, побуждал их сводить к минимуму различия между ними и другими, чтобы получить равные гражданские права и установить свое господство над

полисом. Почва для этого была подготовлена в результате возникновения чужеродной или «новоафинской» крематократии (власти висельников) с помощью банкиров и торговцев из Пирея, которые оказывали финансовую поддержку демократическим вожакам, таким как Клисфен, Перикл, Антисфен и другим менее знаменитым демагогам.

Если мировой экономизм пользуется экономическими аргументами для стимулирования своего космополитизма, то Деррида прибегает для этой цели к моральному шантажу. Он смешивает свои причитания о судьбе несчастных иммигрантов с еврейской казуистикой, доказывая мнимую безусловность моральных норм. Он говорит о праве и долге, о праве чужаков и обязанности коренных жителей, о праве чужаков быть принятыми и обязанности коренных жителей принимать чужаков. Таким образом, права и обязанности он распределяет произвольно, руководствуясь своей ксеноманией или жаждой мести. Гостеприимство превращается у него в безусловную заповедь, в категорический императив, стоящий выше всех законов и обстоятельств. Эта заповедь должна выполняться без предварительной проверки заявлений пришельцев, без объяснения причин их прибытия. Разве требуются законные основания для попадания в оазис? Разве нужно предъявлять паспорт в пустыне? Такая заповедь стирает разницу между легальной и нелегальной иммиграцией. Нет больше никаких иммигрантов, никаких искателей убежища. Это означает уничтожение национальных границ, отмену права частной собственности, роспуск народных сообществ. Своей заповедью Деррида требует, чтобы коренные жители отказались от своей земли, от всех домов, от своей культуры и от самих себя в пользу пришельцев. На пороге своего дома хозяин не только должен предложить чужаку заходить быстрее, но и сказать: «Заходи в меня, не только ко мне, но в меня, владей мной». Полная открытость перед чужаками без каких-либо ограничений, без границ. Западный мир должен перестать быть западным, он должен быть населен массой гибридов и ублюдков и даже уродами, поскольку урод, как утверждает Деррида, это сложный образ смешанной разнородности. Гибридизация и в самом деле смешивает разные организации и может порождать уродов. Основа народного сообщества, т.е. семья, тоже должна быть уничтожена. Она тоже имеет биологическую природу. Биологическая семья, как и любое кровнородственное сообщество, чужда абстрактному концептуализму. Деррида ее фанатический враг. «Надо сделать все, – чтобы поведение, при котором открыто проявляется похоть, имело все законные возможности для своего осуществления». Деррида требует сделать юридической нормой любые отклонения. Непристойные пары мужчин-проктоманов и лесбиянок смогут тогда законно передавать свои противоестественные отклонения искусственно зачатым или приемным детям. Западный принцип семьи как ячейки общества ставится под сомнение. Новые семейные конфигурации будут совсем иными. Семья, естественно состоящая из отца, матери и детей, не будет больше состоять из родителя и ро-

дательницы, воспитывающих своих собственных детей. Она не будет больше основана на половых различиях и будет называться не семьей, а «гражданским союзом». Деррида со своей концепцией общества преследует лишь одну цель: разрушение западной семьи как кровно-родственного и духовного сообщества. Его ядовитый космополитизм – выражение преступной воли. Естественные сообщества должны быть уничтожены везде, где они только возникают, на любой ступени жизни, будь то раса, нация, род или семья. Даже братство у него под подозрением. Это слово указывает на сообщество, в котором преобладают генеалогия, рождение, автохтонность, национальность. Брата всегда предпочитают чужому. Брат это самый близкий, самый похожий на тебя человек, а Деррида требует любить самых непохожих и считать их более достойными любви, чем братья, члены семьи, соплеменники. Это проявление ненависти к природе, ко всему биологическому, ко всему телесному: надо отвергнуть братство по плоти и крови во имя голых абстракций, оторванных от всего телесного, чуждых всему органическому. Деррида в своем космополитизме логически приходит к идее всемирной демократии, в которой понятия государства, суверенитета и гражданства будут критически переосмыслены. Речь идет о новом Интернационале как орудии уничтожения существующих государств и наций. Если космополитическое государство, сведенное к минимальному аппарату, заменит множество нынешних государств, чтобы править миром и обеспечивать соблюдение нового законодательства, это лишит всякого смысла понятия расы, народного сообщества, нации и гражданства. Не будет больше повода проводить различия, не будет больше ни пришельцев, ни бездомных бродяг, ни чужаков или, как говорил Савл из Тарса, ни обрезанных, ни необрезанных. Всемирная демократия призвана устранить то, что Деррида называет «огромным неравенством» в научном, техническом, экономическом и военном развитии наций и народов, как будто оно большей частью не обусловлено естественным неравенством. Она устранит протекционные барьеры, которыми белые рабочие и служащие защищают себя от конкуренции дешевой рабочей силы из Третьего мира. Находясь во власти фантастических представлений о всеобщем равенстве людей, Деррида усматривает возможность конкретизировать то, что его коллега Маркс обосновывал идеологически и чего хотят его братья по диаспоре: добиться права для каждого чужака селиться там, где он хочет, и отнимать работу у местных жителей. Так будут уничтожены естественные сообщества и единые нации. Космополитизм превратится в космополитику и это будет концом коренного населения, евгеники, этноцентризма, сообществ на основе происхождения, крови, духа и территории, иными словами, концом всего естественного.

Такой трагический конец не является целью для Джорджо Гуццони. Для него речь идет не о том, чтобы принять участие в уничтожении Запада как этнобиологической реальности и жителей Запада как людей особой расы и культуры, а, наоборот, о том, чтобы попытаться описать начавшийся марш к его окончатель-

ному исчезновению и по мере возможности остановить его, если еще не поздно. Как человек Запада он не на стороне людей Востока, которые две тысячи лет непрерывно вели коварную морально-религиозно-идеологическую войну против нордического, германского мира. Он выступает по всему фронту против врага в его различных обличиях и переходит в контратаку, а чтобы вести ее эффективно, надо разоблачать противника, выявить перед боем его оружие, стратегию и тактику и занять правильную, целесообразную позицию. Именно это делает Джорджо Гуццони.

Враг многолик. Первоначально он пришел с Ближнего Востока в виде философа или торговца, всегда в облачении слов, редко честных. Его оружие – лживая и обманная теория равенства всех людей, которую позже стоики смешали с обещаниями счастья, спасения и прочими ингредиентами. Основная черта этой теории, которая проявляется во всех ее вариантах, особенно у Павла, это низость, т.е. болезненное желание вс, и всегда направлять вниз, бороться против всего высокого и прекрасного в любой области. Сразу видно, что их ценности диаметрально противоположны ценностям античности, древних греков и римлян.

Первый шаг Дж. Гуццони – уход из сверхчувственного мира метафизики и невидимого высшего мира теологии, куда только и можно бежать из мира жизни. Результатом ухода от реальности является то, что верующего больше не интересует выживание его сообщества или его расы. Его подлинная забота – иной мир, не тот, который существует. Поскольку у Дж. Гуццони иные заботы, он, следуя логике, возвращается к Земле, к нашей современности, которая станет нашим будущим. Он следует совету Ницше: «Оставайтесь верными Земле!» Имеется в виду не только Земля, как изолированная планета, а, прежде всего, наша телесность, наш физический и культурный мир и окружающий мир вообще, который обуславливает нашу форму жизни, наш характер, наши физические и духовные особенности. Этот реальный мир он называет энтофизическим в противоположность нереальному миру метафизики, стремящейся уйти из реального мира. Смысл слова «мета-физика», если его правильно понимать, ставит метафизический мир над энтофизическим. Метафизика это не просто слово, с энтофизической точки зрения это взгляд на физический мир как на ничто и бегство из этого мира. Гуццони защищает этнобиологический Запад, стоя на твердой почве, на земле, где он родился. Это первый шаг к нашему общему спасению. «Только освобождение от воображаемого метафизического мира даст нам возможность преодолеть то искажение нашей сути, от которого мы так долго страдали, и энтофизически ощутить себя цельными людьми, настоящими персонами мироздания». Таким образом, защита начинается с того, что Гуццони называет энтофизическим освобождением; это позволяет найти спасение в самом себе. Таким образом, борьба с метафизикой ведется с «физической» плос-

кости, далекой от религиозной и философской «сверхчувственной» сферы. Оказавшись несостоятельным в физическом плане, метафизик стремится от него оторваться. Мы должны вернуться на Землю. Мы не должны отрицать нашу животную, природную обусловленность ради мифического и воображаемого чистого Духа, чтобы остаться западными людьми. С энтофизической точки зрения человек это не воплощенный дух, а земное, живое существо, своеобразие которого не в общеживотном и онтобиологическом, не в упоении бытием как таковым, а в персонально-историческом, в осмыслении мира и облагораживании естественного – так говорит Джорджо Гуццони. Несмотря на все фантазии о высших мирах и гуманности, человек остается живым существом, бытие которого заключено в его генофонде и изменяется вместе с ним. Постановка вопроса о метафизике это первая попытка Запада в решающий момент борьбы за свою самобытность избавиться от отчуждения от своей собственной сути во всех его устоявшихся вариантах. Философия и религия, как разновидности метафизики, привели западного человека к отчуждению от своей самобытности. Но он изначально открыт онтофизическому миру. Этот мир не совокупность всего сущего, нужного нам, как живым существам, истинность которого мы определяем субъективно, а власть и сущность, освобождение и зрелость, благодаря чему мы становимся персонами. Мир это призыв, а человек – ответ. Человек это мировая персона. Первый слог слова «персона» Гуццони толкует как пространственно-временную и биоисторическую связь, которую человек сохранял до своего монотеистического раздвоения. Слово «персона» характеризует человека как существо, воспринимающее звуки мира, а резонанс делает его персоной.

Дж. Гуццони предлагает свои термины в противоположность таким как «монада», «субъект», «бытие», «существование», «индивидуум» (монада, как известно, не имеет окон и герметично закрыта от мира). Он преследует цель восстановить разорванную метафизикой взаимозависимость бытия (Земли) и человека. «Поскольку мир своим воздействием на человека противоречит абстракции бытия, «персона» воспринимает мир как призыв и преодолевает как онтогенетическую ограниченность человека бытием (как чисто биологическим существованием), так и онтотеологическую трактовку его как ноумена». Слово «персона» обозначает взаимосвязь человека с миром: феноменальную открытость человека миру и трансцендентальное воздействие мира на человека. Энтофизическое означает у него также историческое, а не только трансцендентальное и феноменологическое... Человек в мире не только субъект, но и объект. Дж. Гуццони использует иное написание слова «бытие», чтобы подчеркнуть открытость личности (персоны) миру и взаимозависимость бытия и Земли. Бытие у него, как и у Хайдеггера, определяется субъективным началом, но он добавляет к нему и некую общность, т.е. бытие человека определяется группой, к которой он принадлежит, его народом, его типом, и наоборот. В противоположность персоне индивидуум непроницаем для мира и он не определяется им. Само это

слово, если понимать его в метафизическом, трансцендентальном и историческом смысле, означает «неделимость» миром, герметичность, замкнутость по отношению к миру, глухоту; индивидуум противоположен персоне, открытой миру; это частный человек, оторванный от бытия и наследия, безразличный к религии и идеологии, безучастный, отвергающий обязанность, беспочвенный, эгоистический, безответственный «пустынник», который ведет инертную или наоборот слишком активную жизнь и выхолащивает ее, в то время как персона это ответственный человек, подчиняющий себе бытие». Освобождение, по Гущони, это лишь хитроумная форма индивидуализма, при которой человек наделяется правами, освобождается от общих с другими переживаний, но это освобождение оказывается ловушкой: лишенный наследия «освобожденный» частный человек легко может быть изуродован и поработен. Подобно тому, как метафизика, религия и философия на Западе сузили понятие бытия, так и персона была сужена и превратилась в индивидуум. Господство метафизики уродует человека. Христианизация Запады помешала трансцендентальному созреванию человека как персоны и осознанию им себя как персоны. Первоначальное христианство требовало отречения от человека и мира ради спокойствия душевного; позже это требование стало догмой. Апостольское христианство отличалось болезненным желанием унижить все высокое и благородное. Организованное христианство всегда стремилось сделать человека психологически слабым, чтобы им можно было манипулировать. К христианству можно прилагать любые эпитеты, называть его фанатичным, расчетливым, мстительным, обманным, предательским («любите врагов ваших»), насильственным («владейте землей») и т.д., но для нас в любом случае, во всех своих тактических вариантах оно остается вредным для жизни. Отдельные люди, расы, сообщества, народы выраждаются под его влиянием и идут против истории. По этой причине Дж. Гущони, как и другие мыслители и поэты до него, имел право сказать, что метафизика как спекулятивное мошенничество, т.е. философия и религия это «злой рок западной истории». Запад был опустошен навязанным ему учением об умерщвлении плоти, как вершиной метафизики, и низость, которой его научили, стала его второй натурой. Приученный дрессировкой к самоотрицанию и самоуничтожению, безмерно одураченный, начисто лишенный мужественности, изуродованный Запад принимает сегодня нашествие инородцев за «обогащение», а их шантаж – за проявление «братских чувств». Он отступает перед жителями бывших колоний. Обманутый религией всеобщего равенства, размякший от проповеди сострадания, доведенный Терситами до ненависти к самому себе, он позволяет себя бесчестить, превращаясь в страну недочеловеков. Христианский моралин смирения объявляет величие пороком. Западные люди зациклились на сознании своей вины и греховности, а чернокожих чужаков возносят до небес, провозглашая их новым «богоизбранным народом», который нужно принять и уступить ему место. Так готовится почва для запрограммированного осквернения всех западных народов. Оболваненные религией, превращенные в

рабов, в толпу, западные люди устремляются только к надмирному и чужому. Известны примеры извращения инстинктов и оглупления домашних животных: Конрад Лоренц называет это «свинством одомашнивания».

Христианство уже на раннем этапе проповедовало низость как ценность, и эта проповедь лежала в основе всех позднейших революций и мятежей. Частично это относится и к современным идеологиям, направленным против «белого расизма», таким как марксистский коммунизм, либеральный демократизм и уравнительная доктрина прав человека. Все они теоретически считаются универсальными. Хотя монотеистический Вседержитель для них умер, христианство несмотря на это пережило само себя в этих обманчивых идеологиях, так что Дж. Гуццони имеет право называть их «новым первоначальным христианством». Это действительно лишь различные вариации или замаскированные новые издания иудео-христианской (паулинистской) проповеди равенства в мешанине с тем же фанатичным стремлением к принижению, к уничтожению всех высших народов и рас с помощью разложения и гибридизации, что приведет к их биологическому вырождению. Их идеология сострадания без Бога повторяет ту же христианскую идеологию с Богом, чтобы вызвать на Западе смятение умов, чтобы Запад сам ускорил «окончательное решение западного вопроса». Низший мир заменяет религиозный высший мир с теми же вредными последствиями. Превращение высшего мира в низший – антиисторический процесс, осуществляемый во имя того же идеала низости.

В XIX веке молодой Джакомо Леопарди называл мир, пришедший на смену классическому, «гнильем». С тех пор, т.е. с первой половины XIX века положение резко ухудшилось, несмотря на предпринятые в XX веке героические попытки противодействовать нравственному и этнобиологическому вырождению либерально-демократического Запада. Гниение мира достигло сегодня высшей точки с новым широкомасштабным наступлением «нового первоначального христианства» на белые народы. Вырождение как результат уродования самих себя и расового смешения достигается путем впрыскивания двойной дозы смертельного яда: убийство с помощью чужаков усугубляется самоубийством. Целью является антиисторическое унижение, это основная особенность современного Запада. Оболваненные моралином, совершенно сбитые с толку современными догмами «гуманности», выдаваемыми за прогресс, наносящие вред себе и ублажающие чужаков люди Запада превращаются либо в духовных ренегатов и перебежчиков, либо в зомби, скатившихся до уровня животных. В обоих случаях они работают против Запада и являются соучастниками массового убийства. Дело зашло настолько далеко, что, в то время как чужакам не только позволяют открыто и безнаказанно травить коренных жителей Запада, чем «ежедневно занимаются западные учреждения и лживые СМИ, перешедшие на службу врагу во имя смешения рас и интернационализма». Ренегатство (любовь к своему пе-

решедшая в ненависть к своему в результате замены самосознания хождением на поводу у чужаков) и перебегание на сторону врага (проституция у него на службе) открывает путь к окончательному уничтожению западных народов в их этнобиологической субстанции. Унижение всегда тайно преследует эту цель. Логическая цепь: унижение – метафизика – отравление – смерть... Лозунг дня сегодня – самим допустить наплыв инородцев. Христианство некогда насаждалось огнем и мечом, сегодня орудие геноцида – смешение. Речь идет о самогеноциде, мысль о котором внушают чужаки, прибегая к моральному обману. Предательский политический класс допускает этот самогеноцид мирными, законными средствами и осуществляет его на практике. Т.н. демократия это убийство расы и уничтожение народа, ее правильней называть демофторией. Этот антинародный политический класс, как пишет Дж. Гуццони, «грезит о мире и братстве, но лживо умалчивает при этом, что понимают под этим «друзья», прогибается перед ними и никак не может понять, что раболепие только делает вымогателя еще наглее. На словах он выступает в поддержку семьи, но заставляет женщин работать, мужей озлобляет, детей делает жертвами наркотиков и наплыва иммигрантов, облегчает аборт. Он все больше впадает в противоречия при выборе и применении жизненно важных мер, но не замечает свои промахи, а часто даже запрещает говорить о них; он изъявляет желание бороться с безработицей и одновременно увеличивает ее, направляя на учебу миллионы людей, неспособных учиться, вынуждает промышленность к эмиграции и создает благоприятные условия для проникновения чужеземных паразитов. Говорится о повышении рождаемости, но сохранение своих детей затрудняется, поощряются аборт, а с другой стороны, у инородцев рождаемость избыточная. Европу вторично разрушают изнутри в угоду Америке и Азии, якобы желая создать сильную, объединенную Европу, ее растворяют, забывая старую мудрость, что грязь – плохая опора. Ее национальные структуры превращаются в уродливые бюрократические образования, которые пытаются править в условиях наплыва инородцев и упадка». Политика демократов выродилась, это уже не политика, как демократия превратилась в демофторию. Практически речь идет о «новом либерально-демократическом, уравнильском мракобесии. Государство ретиво поощряет смешанные и однополые браки. Во имя индивидуальных прав лишаются права на жизнь народы. Мудрец будущего, глядя на черную кашу отродья гибридов, населяющего новый Запад, увидит в ней всходы «свободного мира», мира «гуманных жертв кукушки», на котором до последнего времени всходили воспринимаемые с энтузиазмом «семена просвещения», которыми он некогда хотел осчастливить весь нехристианский мир». Современный человек это не «Mensch», а «Mansch», слово, которое одновременно означает месииво, кучу, кашу, ил, уличную грязь, жратву и низость. Таков современный самодовольный житель Запада.

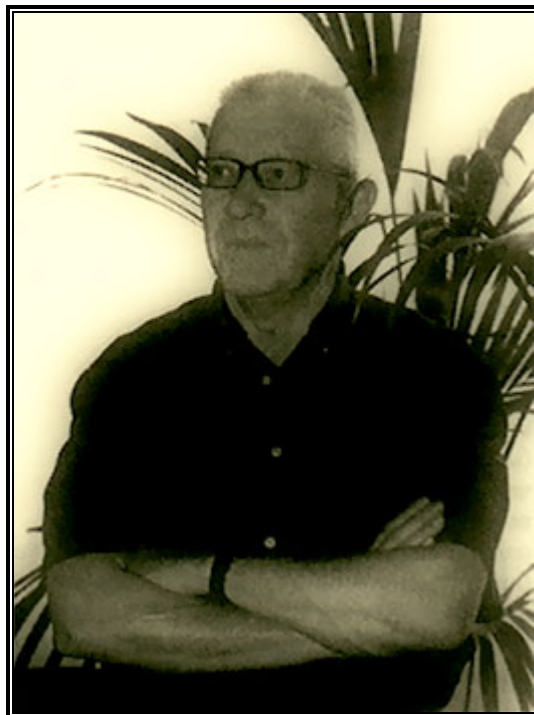
То, что началось две тысячи лет назад и продолжается сегодня по сути своей напоминает то, что происходит в тропических лесах Южной Америки. Амазонские муравьи, целенаправленно используя обонятельную мимикрию, проникают в ряды муравьев других пород, сеют среди них раздоры и те убивают матку своего муравейника и добровольно становятся вместе со своими личинками рабами внедренцев. Наука может аналогичным образом описать, как сильные, дальше ушедшие от животных, но глуповатые народы поколения за поколением подвергаются метафизической моральной обработке более близкими к животным, но более хитрыми народами, так что они не осознают свои естественные склонности даже при угрозе всему их роду. Доказано, как легко довести человеческий тип, у которого лучше всего развиты разум и наука, до этнобиологического самоубийства с помощью простейших моральных хитростей, внушая ему чувство вины и долга. Как видим, оторвавшиеся от своего наследия люди Запада, превратившиеся в жратву для всего мира, с тем большим рвением стремятся «научно» защитить кротов, диких собак и пигмеев, всеми силами стараются понравиться даже тем, кто, пользуясь их самоослеплением, ведет их к самоуничтожению. Настало время выступить против этнобиологического уничтожения Запада, против ренегатов и перебежчиков из правящих кругов. Джорджо Гуццони правильно понял, что спасительные действия такого рода следует начинать с области идей одновременно с политической борьбой. Надо вести борьбу до победного конца против метафизики, надмирной религии и сверхчувственной философии. Именно это и делает Дж. Гуццони в своей книге «Преодоление метафизики». Хватит тянуть Запад вниз, надо спасти его расу и культуру, а потом поднять их. Таковы долг и цель. Речь идет не только о сохранении, но и о подъеме, а это возможно только на базе генофонда: «Любое подлинное улучшение рода человеческого удастся только через улучшение его наследственных задатков, улучшение породы», точнее, через биологическое улучшение. «Не богатство, не среда, а высшее бытие или наследие, более разумное использование всех связанных с этим возможностей только и может возвысить род».

На одной стороне Э. Левинас и Ж. Деррида, на другой – Дж. Гуццони. На одной стороне разрушители Запада, на другой – тот, кто выступает за его спасение и возрождение. Фронт четко проходит между теми, кто желает его смерти, и теми, кто оказывает сопротивление. Каждый, кто имеет мужество, может занять свой пост. Борьба началась более двух тысяч лет назад. От самих жителей Запада зависит, кончится она поражением, как в Афинах и позже в Риме, или их освобождением.

Перевод с немецкого: А.М. Иванов

Анатолий Иванов

ПЬЕР ШАССАР – ФИЛОСОФ АНТИГЛОБАЛИЗМА

В июне 2003 года Россию посетил с кратковременным, к сожалению, визитом выдающийся современный философ Пьер Шассар. В Москве он останавливался в гостинице «Ирис» при Центре микрохирургии глаза С. Фёдорова, что кажется символичным: знакомство с идеями Пьера Шассара может многим открыть глаза. Пока его имя мало что говорит русским читателям. Единственной его публикацией на русском языке была статья «Человечество – это миф, не соответствующий действительности», опубликованная в журнале «Атака» № 777. Мы надеемся, что это только начало ознакомления русской общественности с его идеями.

Пьер Шассар родился в 1926 году на севере Франции. Его отец – француз, мать – родом из Бельгии. Всё детство П. Шассар провёл на родине матери, на стыке границ Бельгии, Франции и Люксембурга. В 1939 году, перед самым началом войны, его семья уехала из зоны будущих военных действий во Францию.

После войны П. Шассар жил в Германии, где изучал немецкий язык. По возвращении во Францию учился в Сорбонне на философском факультете, занимаясь

также проблемами управления и правом. Некоторое время посещал Школу восточных языков с похвальным желанием приобрести кое-какие познания и в русском языке.

П. Шассар написал докторскую диссертацию о философии Ницше, защитил её в Сорбонне и получил звание доктора истории философии. Эта диссертация была опубликована в 1977 году парижским издательством «Коперник» под названием «Ницше. Финализм и история» и переиздана в 1999 году бельгийским издательством Менгаль.

П. Шассар выбрал эту тему; потому, что «философия Ницше, применительно к истории, обладает четырьмя достоинствами. Она лишает Вселенную мистического ореола и показывает, что нет никакой всемогущей силы, которая вела бы мир к определенному концу, и что люди, по крайней мере некоторые из них, сами творят историю в определенных условиях. Эта философия представляет историю в её сущности как результат борьбы между системами ценностей, выражающими разные человеческие типы с их специфическими потребностями и интересами. Она пытается эффективно преодолеть нигилизм, не восхваляя мысленный уход в воображаемые потусторонние миры, не советуя сделать реальность нереальной, а подсказывая другой выход: принять мир, в котором нет смысла и даже разумной воли. Она пытается придать европейской истории, описываемой как процесс органического упадка вследствие разрушительной деятельности иудео-христианства, положительную ориентацию путём отбора и размножения типа людей большого ума и сильной воли, способных вынести реальность во всём её разнообразии, достаточно сильных для того, чтобы полностью посвятить себя живому миру и жить, не испытывая потребности в абсолютном смысле. Она содержит в себе, наконец, зачатки учения, призванного способствовать подъёму жизни на более высокий уровень путём замены ослабляющих ценностей ценностями, увеличивающими силу, замены морали рабов моралью свободных людей. Именно поэтому Ницше понимал эту часть своей философии как гуманизм, мужественный гуманизм восходящей жизни, который он предлагал европейцам своего времени, нынешним и будущим».

В этой книге содержится критика финалистских концепций истории: христианского провиденциализма, философии Гегеля, обожествления природы, теорий прогресса как светской разновидности христианского финализма, теорий биологической эволюции под влиянием среды как скрытого провиденциализма. Главный тезис: никакое божественное Провидение в истории не действует и ни к какой единой цели т.н. «человечество» не направляет.

Закончив университет, П. Шассар занял пост генерального секретаря одного французского исследовательского центра. Но – «не бывает пророк без чести,

кроме как в отечестве своем». П. Шассар был вынужден покинуть Францию, где, как он сам говорит, его имя стало одиозным. Он живет в Германии со своей женой-немкой, которая вместе с ним приезжала в Россию, в небольшом городке Моншау, недалеко от бельгийской границы, и целиком посвятил себя творчеству на правах свободного художника. Но он не замкнулся в себе – он постоянный участник Туле-семинара.

П. Шассар очень напоминает охотника, который занимается главным образом тем, что отслеживает христианского Бога, за какими бы метафизическими и философскими конструкциями тот ни скрывался, и тут же его отстреливает. Под огнём его критики не раз оказывался, в частности, М. Хайдеггер. Одну его работу о нём «Хайдеггер, мыслящее Бытие», выпустило в 1978 году парижское издательство «Альбатрос», а другую – «Хайдеггер, по ту сторону вещей», одновременно на французском и немецком языках в 1993 г. – немецкое издательство А. Томас. В «Бытии» Хайдеггера П. Шассар обнаруживает более или менее заметные черты Бога христианской теологии и делает вывод: философия Хайдеггера – это бегство из реальности в мир «по ту сторону вещей», мышление Хайдеггера – это обновление монотеистической теологии и моноонтологической метафизики.

В том же 1993 году то же издательство А. Томас выпустило книгу П. Шассара «Разнообразие в природе». В предисловии к ней автор отмечает, что поиск конечной сути, общей для всего на свете, приводит в конечном итоге туда, где нет никаких вещей и никаких качеств, т.е. в абсолютное Ничто. Суть мира не сводится к какому-то одному началу, разнообразие мира заложено в самой его сути. П. Шассар показывает всё это разнообразие на примерах звёзд и галактик, элементарных частиц и биологических форм и приходит к выводу: никакая божественная монархия не предопределяет судьбу вещей, и пора покончить со всеми теологиями Единого и Универсального, равно как и с мифом о не имеющем никаких различий единообразном «человечестве».

С середины 90-х годов постоянным издателем трудов П. Шассара стал бельгиец Бернар Менгаль. Это имя давно нам знакомо по приложению «Комба пайен» к журналу «Вулуар» Р. Стойкерса. Б. Менгаль является активным пропагандистом нордического язычества. Г-н Шассар назвал Б. Менгалья в беседе с нами своим ближайшим единомышленником и подчеркнул, что язычество может существовать только в конкретных формах и невозможно «язычество вообще» в духе журнала «Антей» К. Жерара (в настоящее время не выходит). Б. Менгаль выпускает небольшой журнал «Контртез», в котором регулярно печатаются статьи П. Шассара.

Б. Менгаль издал в 1995 году работу П. Шассара «Отрицательная мораль от Сократа до Бергсона» и критическую книгу о еврейском философе Левинасе, в 1996 году – критику марксизма, а в 1997 году работу «По ту сторону универсализмов. Элементы генополитики», которую г-н Шассар хотел бы первой видеть переведённой на русский язык.

Свой перечень «смертоносных универсализмов» П. Шассар начинает с иудео-христианского универсализма, цель которого – «смешать все личности и все народы мира в безмозглую, порабощенную массу. Этот безродный универсализм не принимает человеческого разнообразия, разделения на расы и этносы. Он ненавидит эти различия и пытается их уничтожить, провозглашая тождество сущности всех людей с помощью фикций нематериальной души и единого для всех и вся Бога. Самым страшным грехом он считает самоутверждение и следование своим путём. Его мораль вырождения и расового смешения направлена против природы и эволюции.

Столь же зловредной, как и христианскую мораль, П. Шассар считает и формальную мораль Канта. Не менее резко оценивает он и космополитический гуманизм. «Враг всех различий, экстремистский, извращенный универсализм, враждебный любым особенностям, понижает также концепции энциклопедистов, Руссо, Кондорсе, О. Конта и других философов, которые, воображая, будто избавляются от тоталитаристских иудео-христианских фетишей, возрождали их под другими названиями». «Слившись, различные гуманистические течения произвели на свет современный гуманизм, мондиалистский и эгалитарный, который требует от конкретной личности отказа от самой себя, требует, чтобы она... больше заботилась о ненормальных, чем о нормальных». «На своем последнем этапе развития универсалистская идеология приступает к обезчеловечиванию личностей... чтобы возвести человечество на последний уровень неопределимой фикции». «Не имея ни основы, ни лица, это фиктивное человечество обязано своим нереальным существованием только запугиванию и нетерпимости, орудия, с помощью которых универсалистская идеология, абстрактный антигуманизм утверждают своё господство».

Плоское, совершенно неопределенное понятие «человечества» свойственно также рыночно-экономической практике. «Рационализм рыночной экономики, мондиализм, по сути, – и на практике внутренне безродный и безнациональный, безразличный к законам природы. Это рак, который разъедает народы и убивает их».

П. Шассар не оставляет камня на камне от таких основополагающих фикций, как «человечность» и «разум». Он доказывает, что, с биологической точки зрения, нет абсолютного, произвольного критерия, который позволил бы бес-

спорно и окончательно перегруппировать составные части раздробленного человечества и слить в одно целое, лишенное различий. Он твёрдо стоит на позициях теории полицентрического происхождения людей разных рас. «Уже десятки или сотни тысяч лет тому назад не было никакого первоначального единства, а было множество разных типов». Надо говорить о человечествах во множественном числе: негритянско-африканском, китайско-азиатском, арабско-средиземноморском и т. д.

По убеждению П. Шассара, «Бог нас не создал, потому что его нет и никогда не было. Однако, хотя он и фикция, поскольку в него верят, он обладает силой запугивать тех, кто в него верит и поступает согласно полученному якобы от него закону». Так же обстоит дело и с двумя другими абстракциями, «разумом» и «человечеством». Независимо от того, реальны они или выдуманы, они не обладают никакой силой принуждения, они могут только запугивать. Это лишь обманчивые метаморфозы одного и того же идола и всегда выполняют одну и ту же функцию.

Но П. Шассар занимается не только философскими абстракциями. В 1998 году в том же издательстве Менгаль вышла его книга «Иммиграция и гостеприимство». Проблему иммиграции, наплыва чужеродных элементов он считает главной для европейских стран, так же как А. Дель Балле, Г. Фай и другие известные европейские деятели. Проблема эта сегодня во весь рост стоит и перед Россией.

В 2002 году издательство Менгаль выпустило очередную книгу П. Шассара «12 теорий государства и общества». В числе авторов, чьи теории он подвергает критическому анализу, – Хайек, Э. Крик, Маркс, Муссолини, Потер, К. Шмитт и Теннис.

Ещё в 70-х годах прошлого века движение европейских «новых правых» во главе с Аленом де Бенуа подняло знамя борьбы за право отдельных людей и народов на различия, на самобытность, против парового катка глобализма, грозящего залить весь мир асфальтом и разровнять его под парковку для автомобилей, как грозил когда-то Рейган в адрес Вьетнама. Идеология «новых правых» – это идеология антиглобализма *par excellence*, а идеи П. Шассара подводят под эту идеологию прочную философскую основу.

Библиотека Велесова Слобода, 2008 г.